

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН:

Труд - 1996 - Октябрь - с. 5

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ПОЭЗИИ

Есть люди, без которых искусства бы не было: они создают ту среду, тот климат, благодаря которым и возникают шедевры. Один из них — Б.А. Львов-Анохин, главный режиссер Нового Драматического театра, всю свою жизнь преданно и верно служащий сцене. Сегодня Борису Александровичу исполняется 70 лет. Мы поздравляем постоянного автора «Труда» с юбилеем и публикуем его интервью.

— Вся ваша жизнь связана с театром: представить вас вне сцены нельзя. Но у каждого из нас в прошлом есть кто-то, благодаря кому мы выбираем свою дорогу. Кто указал ее вам?

— Любовь к театру я обязан трем женщинам — маме, профессиональной актрисе Лидии Митрофановне, моей тетушке, Наталье Дмитриевне, которая была режиссером ТЮЗа, и, наконец, жене Ольге Григорьевне Табачниковой, блестящему переводчику с английского (она работала на Нюрнбергском процессе), театралу со строгим и взыскательным вкусом.

Мне было лет девять, когда тетя Наташа приехала со мной на детский спектакль и потом провела за кулисы. Одна из ее подруг играла роль ящерицы, она была одета в блестящий зеленый костюм, все лицо ее было разрисовано зеленой краской. Увидев меня, актриса спросила: «Сколько тебе лет, малыш?» А я, потрясенный ее видом, ничего не мог вымолвить, но запомнил ее навсегда, и на всю жизнь влюбился в сцену.

Еще одна причина — в семейных традициях. В 20-е годы Федор Комиссаржевский, брат знаменитой Веры Комиссаржевской, ставил в Москве спектакль «Маугли», где мама играла роль пантеры Багирры, Игорь Ильинский — медведя Балу, а Мария Бабанова — роль лани... Спустя много лет я как-то пришел в Малый театр. В кулуарах меня встретил Игорь Ильинский и спросил: «Ваша фамилия Львов-Анохин? А вы имеете отношение к актрисе Лидии Митрофановне?» — «Да, это моя мама». — «Ну поздравьте ее, я до сих пор помню ее роли. Как она двигалась на сцене, словно фея. Передайте ей огромный привет».

От мамы я научился основам сценического движения. Во время войны мы с ней оказались в Новосибирске, и я поступил в молодежный театр, где работали блестящие мастера МХАТа Ольга Гзовская и ее муж Владимир Гайдаров. Теперь их не все помнят, а тогда их слава гремела. Они передали нам высочайшую мхатовскую культуру. Я наслаждался, изучая тончайшие нюансы их режиссуры...

— Не каждый молодой актер рискнет уйти в режиссуру...

— А я решил — и долго искал своего учителя. В Ленинградском театральном институте нам преподавали корифеи — Елизавета Ивановна Тиме, Леонид Сергеевич Вивьен, но я искал «своего» режиссера. Потом увидел в Ленинграде гастрольный спектакль ЦТСа — «Укрощение строптивой» и был потрясен профессиональным уровнем постановки Алексея Дмитриевича Попова. И я решил

ехать к Попову в Москву. Худсовет принял меня в актерскую труппу, но я сам хотел участвовать в режиссерской работе, собрал молодежную группу, поставил два спектакля. Пришел наконец к Попову и сказал: «Хочу работать с вами». Попов назначил меня ассистентом на спектакль «Ревизор» — он поверил в меня. С его благословения я режиссер уже 45 лет...

— Почти столько

же вы общаетесь с легендарной балериной Галиной Сергеевной Улановой. Написали несколько книг о ней и ее учениках. В чем загадка, тайна Улановой?

— Образ Жизели в исполнении Галины Сергеевны настолько вдохновил меня, что я более сорока лет назад написал статью о ней и ее ролях. Так я стал и критиком. Внутренний мир Улановой так огромен, что его трудно свести к какому-то одному понятию. С одной стороны, она — воплощение воли и дисциплины, с другой — тончайший художник, романтическая натура. Ей чужды суета, внешний лоск, она против всякой саморекламы. Она и сейчас продолжает танцевать — в своих учениках. Прекрасно выглядит, поскольку ежедневно трудится. Она никогда не состояла ни в партии, ни в каких-либо группировках, зато всегда боролась против рутины и штампов.

— Ваш режиссерский путь весьма прихотлив, вы работали во многих столичных театрах. Видимо, в нем были и драматические повороты?

— Пожалуй, наиболее сложным и вместе с тем увлекательным был период моей жизни, связанный с Театром имени Станиславского. Стоит лишь перечислить актеров, занятых в моих постановках, — Евгений Урбанский, Евгений Леонов, Алексей Глазырин, Георгий Бурков, — и станет понятно, сколько заманчивых идей, замыслов рождалось в те годы. Мы ставили пьесы Чингиза Айтматова, Майи Ганиной, Леонида Зорина, Жана Ануйя, Генриха Ибсена... А чем все это кончилось? Меня то и дело приглашали то на бюро райкома, то на бюро горкома и методично «тюкали», упрекали в ошибочной репертуарной политике. В итоге я ушел из театра, испытывая глубокую депрессию. Несколько лет жил в стороне от всех театральных дел.

В конце концов ко мне обратилась Елена Гоголева и попро-

сила поставить спектакль в Малом театре. Я предложил ей пьесу «Мамуре» с очень колоритным образом главной героини. И снова окунулся в любимую работу. Так началось мое режиссерское возрождение...

В последние годы я ставил спектакли и в Театре сатиры (для Веры Васильевой), и в Краснодарском драмтеатре (для прелестной актрисы Идеи Макаревич).

— А какие работы сегодня лежат на вашем рабочем столе?

— Только что закончил книгу о блестящем танцовщике, народном артисте СССР Владимире Васильеве, который, кстати, многому научился у Галины Улановой. По-прежнему внимательно слежу за всеми балетными премьерными. В этом мире у меня множество друзей. Не так давно встречался в Нью-Йорке с Михаилом Барышниковым, который продолжает оригинальный творческий поиск в области модерн-танца. 21 октября в Москве состоится мой творческий бенедикс, организуемый Ассоциацией «Россия — концерт» (фирма «W») в цикле «Ведущие мастера классического балета». Надеюсь вновь увидеть многих блистательных мастеров российского балета...

— Наше искусство, как и все общество, ныне переживает период сильнейшей встряски. Как вы воспринимаете это? Не появляется ли желание найти «тихую гавань»?

— У меня никогда не возникало потребности искать эту «гавань». В любые времена, в том числе и самые трудные, нужно найти способность посмотреть на события сквозь художественную призму, глазами стороннего наблюдателя. Кто-то может назвать эту позицию аполитичной, но мне думается, что для меня, режиссера, важно сохранить самое ценное для человека этой профессии — чувство художественной правды. Я помню о том, что все мы родом из поэзии. Этот мир красоты в себе я и берегу всеми силами.

Анатолий ШЕЛУХИН.

